

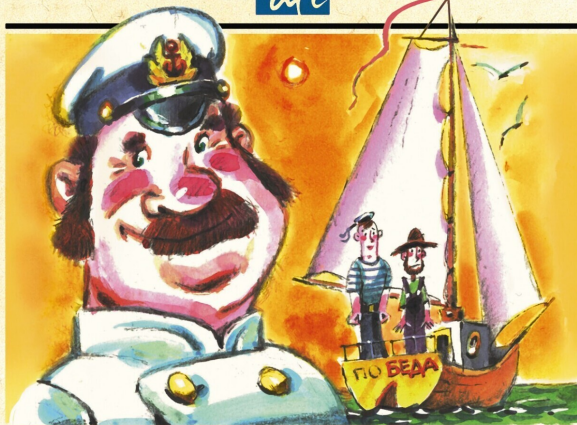

АНДРЕЙ

НЕКРАСОВ

Школьное знение

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

Одобрено
лучшими учителями

Издательство АСТ

Андрей Сергеевич Некрасов
Приключения
капитана Врунгеля
Серия «Школьное чтение (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67821246
Андрей Некрасов Приключения капитана Врунгеля:
ISBN 978-5-17-148960-1

Аннотация

Говорят, что фамилию капитана – Врунгель – автор составил из слова «врун» и фамилии белого генерала Врангеля. Но если в 1935 г., когда была написана повесть, это имя придавало нашему капитану негативные черты, то теперь всё наоборот: за ним стоят такие достоинства, как честь офицера и любовь к Родине. А то, что Врунгель немножечко врун, так от этого книга только интереснее.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава I,	6
Глава II,	14
Глава III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Некрасов

Приключения

капитана Врунгеля

Серийное оформление и дизайн обложки А. Фереза
Иллюстрация на обложке И. Савченкова

© Некрасов А. С., насл., 2022

© Савченков И. Ю., ил. на обл., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава I,

в которой автор знакомит читателя с героем и в которой нет ничего необычайного

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

– Навигация, – сказал он на первом уроке, – это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация, – добавил он напоследок, – наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

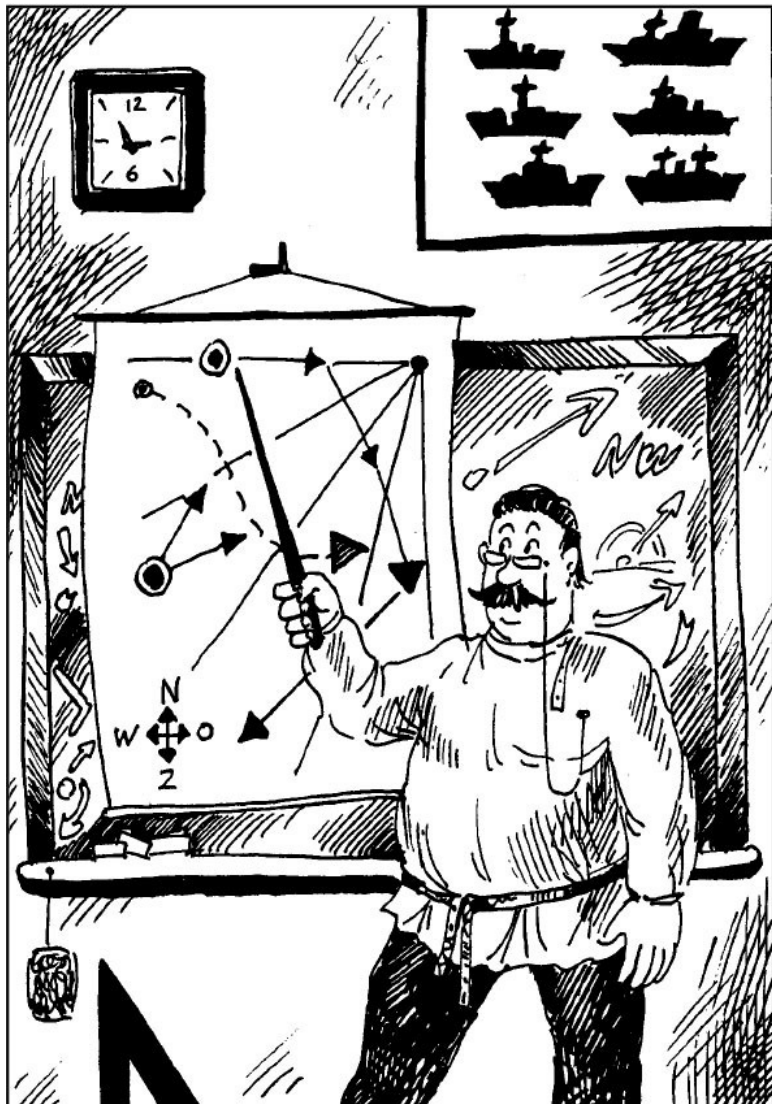
Вот это ничем не замечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель – не иначе, как старый морской волк на покое. Навигацию он знал блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избороздил все моря и океаны.

Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и

сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор, в отличие от прочих навигаторов, сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приносили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

– Ну, что вы! Не время сейчас, – возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что, в отличие от прочих навигаторов, Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно, не посчастливилось услышать от самого Врунгеля рассказ о его необычайно смелом кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае галоши, промочил ноги, простудился и слег в постель. А время стояло горячее: весна, зачеты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.

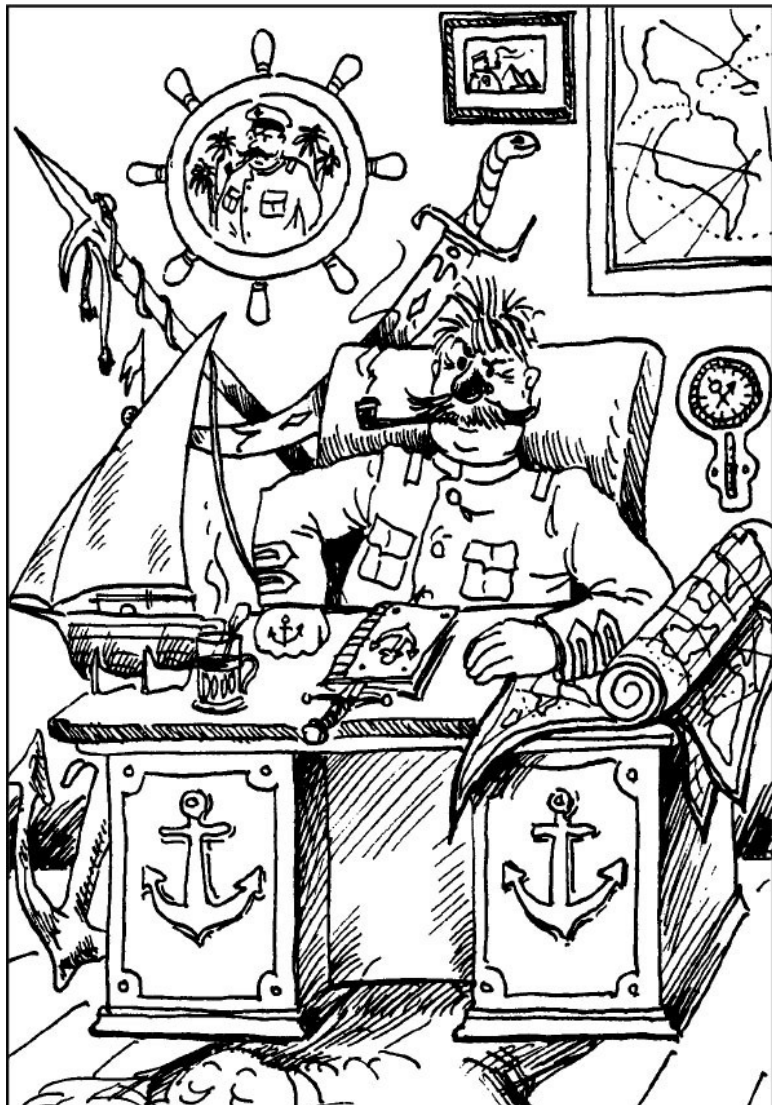
Я отправился. Без труда нашел квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный оде-

ялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... остолбенел от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые, растрепанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он действительно и покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Врунгелем в специальной стоечке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант. Небрежно брошенный сверток карт наполовину закрывал сушеный акулий плавник. На полу вместо ковра распласталась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками ржавой цепи, на стене висел кривой меч, а рядом с ним – зверобойный гарпун. Было еще что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.

– Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич, – произнес он громовым басом, протягивая мне руку. – Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

– Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчет тетрадок... ребята прислали... – начал было я.

– Виноват, – перебил он меня, – виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Стар стал, ничего не поделаешь... Да... так, говорите, за тетрадями? – переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столом.

Наконец он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

– Вот, извольте, – сказал он, предварительно громко, со вкусом, чихнув, – у всех «отлично»... Да-с, «отлично»! Поздравляю! С полным знанием науки кораблевождения пойдете бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждет вас впереди! Тропики, полюса, плаванье по дуге большого круга... – прибавил он мечтатель-

но. — Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не поплавал.

— А вы разве плавали? — не подумав, воскликнул я.

— А как же! — обиделся Врунгель. — Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение, — добавил он, помолчав. — Многое, так сказать, предстает теперь в ином свете, но все же, знаете, оглянешься вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятного и поучительного в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте...

С этими словами Христофор Бонифатьевич пододвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как на кресло, а Врунгель стал рассказывать.

Глава II, ***в которой капитан Врунгель*** ***рассказывает о том, как*** ***его старший помощник Лом*** ***изучал английский язык, и о*** ***некоторых частных случаях*** ***практики судовождения***

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной – и потряхнул. Так потряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. Да-с. Вам, простите, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнем по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так чтобы все мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воробей, на хорошем счету, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил: пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка – пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашел. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили. Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением ее в два счета привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль на два фута, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта – игрушечка! Сорок футов по палубе. Как говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

Успех подобного предприятия, как вы знаете, во многом зависит от личного состава экспедиции. Поэтому я особенно тщательно выбирал своего спутника – единственного помощника и товарища в этом долгом и трудном пути. И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос – как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всем том отличное знание дела, поразительная скромность – словом, все, что требуется первоклассному моряку. Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьезный: полное незнание иностранных языков. Это, конечно, важный порок, но это не остановило меня. Я взвесил положение, рассудил, подумал, прикинул и приказал Лому в срочном

порядке овладеть английской разговорной речью. И, знаете, Лом овладел. Не без трудностей, но овладел за три недели.

Для этой цели я избрал особый, дотоле неизвестный метод преподавания: я пригласил для моего старшего помощника двух преподавателей. При этом один обучал его с начала, с азбуки, а другой с конца. И, представьте, с азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно с произношением. Дни и ночи напролет мой старший помощник Лом разучивал трудные английские буквы. И, знаете, не обошлось без неприятностей. Вот так однажды он сидел за столом, изучая девятую букву английского алфавита – «ай».

– Ай... ай... ай... – твердил он на все лады, все громче и громче.

Соседка услышала, заглянула, видит: здоровый детина сидит, кричит «ай». Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скорую помощь». Приехали. Накинули на парня смирительную рубашку, и я с трудом на другой день вызволил его из лечебницы. Впрочем, кончилось все благополучно: ровно через три недели мой старший помощник Лом донес мне рапортом, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот наконец долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. Сенсация, так сказать. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запру-

дили берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль и скомандовал:

– Поднять паруса, отдать носовой руль, на правую!

Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит. Отдали кормовой конец – все равно стоит. Ну, вижу, нужно принимать решительные меры. А тут как раз буксир шел мимо. Я схватил рупор, кричу:

– Эй, на буксире! Прими конец, черт побирай!

Буксир потянул, пытит, мылит воду за кормой, только что на дыбы не встает, а яхта – ни с места... Что за притча?

Вдруг что-то ухнуло, яхта накренилась, я на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, смотрю – конфигурация берегов резко изменилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же плавает будка с мороженым, верхом на ней сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.

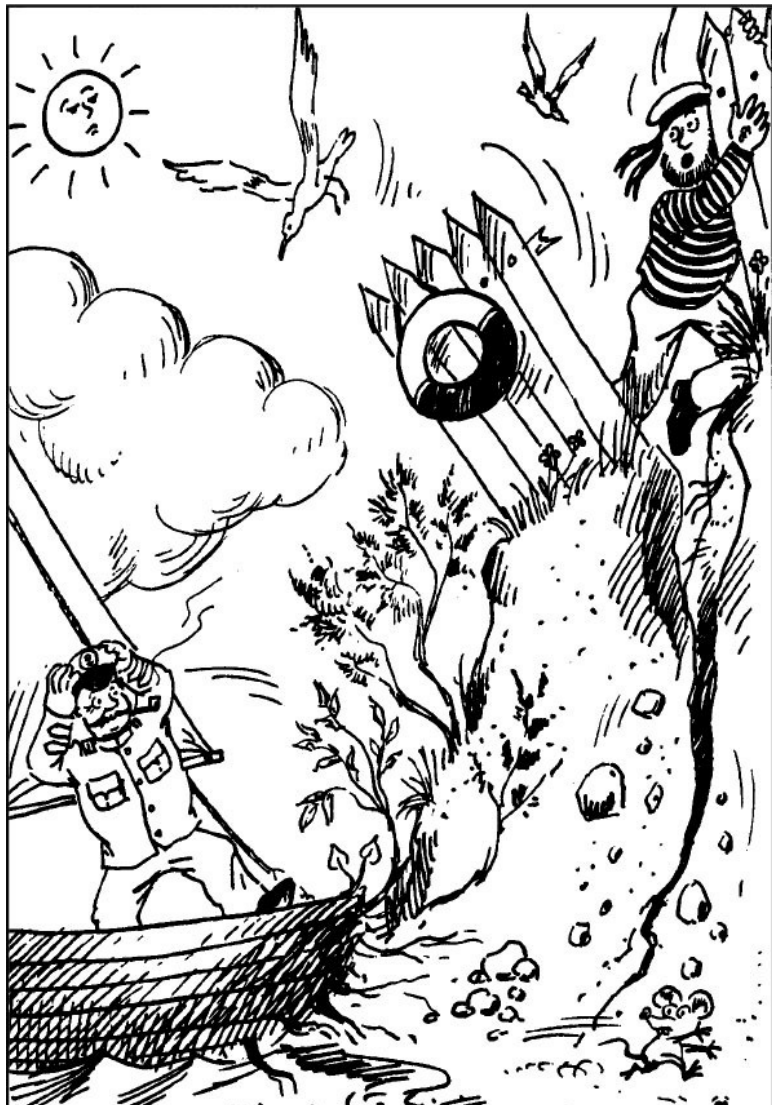
А под бортом у нас целый зеленый остров. Я посмотрел – и все понял: плотники недоглядели, поставили свежий лес. И, представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла. А я еще удивлялся: откуда такие красивые кустики на берегу? Да. А яхта построена крепко, буксир добрый, канат прочный. Как дернули, так полберега и отнесло вместе с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, все кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, понятно, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форс-мажор» – непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь – рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признаться, изрядно, вымокли, замерзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звезды высыпали на небе, на судах бьют полночную склянку. Я отпустил Лома спать, а сам остался на вахте. Стою, размышляю о трудностях и прелестях предстоящего похода. И так это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сутки хода потерял с этой аварией – я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля – то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был – Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» – перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назовите свое судно «Корыто» – оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имен, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля! Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнем горели. За полмили можно было прочесть: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль, порт еще не проснулся, после бессонной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу – пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и – хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок.

Но все мы люди, все человеки, как говорится, и каждому, знаете, приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...» Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чем разговор. Хватаю другую газету, третью...

Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посередине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Беда», на которой он отправляется...»

Тогда я все понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы – «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделать уже ничего невозможно: у газетчиков длинные языки. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде». Но долго горевать не пришлось.

С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лома и стал поднимать якорь. И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как назло, кричали:

– Эй, на «Беде», счастливого плавания!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Беде» и пошли.

Вышли в море. Я еще не успел оправиться от огорчения. И все-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете,

еще древние греки говаривали, что море все невзгоды смывает с души человека.

Идем. Тишина, только волны шелестят вдоль бортов, мачта поскрипывает, а берег уходит, тает за кормой. Погода свежеет, белячки пошли по волнам, откуда-то прилетели буре-вестники, ветерок стал крепчать. Работает, свистит в снастях настоящий морской соленый ветер. Вот и последний маяк остался позади, берегов как не бывало, только море кругом; куда ни взглянешь – везде море.

Я проложил курс, сдал командование Лому, постоял еще минутку на палубе и пошел вниз, в каюту – вздремнуть часок-другой перед вахтой. Недаром у нас, у моряков, говорится: «Не выспаться всегда успеешь».

Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лег на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаюсь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперед... и в глазах у меня потемнело.

На первый взгляд – ничего, конечно, особенного: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но впереди, прямо перед носом «Беды», – едва заметная, как серая ниточка, встает над горизонтом полоска берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагается быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразие. Стыд и позор для вас! Я был по-

трясен, возмущен и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать – так заедешь, что и не выберешься, – особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вышло, но тут, к счастью, все объяснилось. Лома выдал нос. Мой старший помощник все время сворачивал нос налево, жадно тягивал воздух, и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я все понял: в моей каюте, по левому борту, осталась незакупоренная бутылка прекрасного рома. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так – значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой. Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенес бутылку на правый борт. Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатилося туда же, а два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку впереди, у мачты, и Лом больше не сбивался с курса. Он вел «Беду», как по ниточке, и только один раз особенно жадно втянул воздух и спросил:

– А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Вот таким образом и началось наше дальнейшее плавание.

Глава III

*О том, как техника и находчивость
могут возместить недостаток
храбрости, и о том, как в
плавании надо использовать
все обстоятельства, вплоть
до личного недомогания*

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А «плавание»? Плавание – это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит, так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И все же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чем тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетелями которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас превратная судьба мореплавателя.

Но в море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер, главным образом. А что вы можете пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простои на мелях...

Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествия, и в нашем походе их было немало, но в основном про воду, про ветер, про туманы и мели много не расскажешь.

Рассказать-то, положим, можно бы. Рассказать есть что: бывают, допустим, смерчи, тайфуны, жемчужные отмели – мало ли что! Все это поразительно интересно. Ну, рыбы, там, корабли, спруты – тоже и об этом можно рассказать. Да вот беда: столько уж об этом порассказано, что не успеете вы рот раскрыть – все ваши слушатели сразу разбегутся, как караси от акулы.

Другое дело – заходы, новые берега, так сказать. Там, знаете, есть на что посмотреть, есть чему удивиться. Да-с. Неда-

ром говорят: «Что город, то норов».

Вот поэтому такой моряк, как я, любознательный и не связанный коммерческими интересами, старается всячески разнообразить свое плавание заходами в чужие страны. И в этом отношении плавание на маленькой яхте представляет бесчисленные преимущества.

А как же, знаете! Встали вы, допустим, на вахту, склонились над картой. Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам не велит? Руль на борт... и вот уже входной маяк на горизонте! Вот так-то! Да-с. Мы шли с попутным ветром, туман лежал над морем, и «Беда» бесшумно, как призрак, милою за милей глотала пространство. Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак... И вот на пятые сутки, на рассвете, туман рассеялся, и по правому борту у нас открылись берега Норвегии.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я скомандовал:

– Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде. Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры, другими словами – это, знаете, такие

узкие заливы и бухточки, запутанные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мохом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

— А что, Лом, — предложил я, — не сойти ли нам погулять до обеда?

— Есть погулять до обеда! — гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Беда... беда... беда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударение не там, но все же, знаете, приятно и удивительно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиордах... Да одно ли эхо! Там, батенька, сказочные места и сказочные бывают происшествия. Вы послушайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошел переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я уже совсем готов, шнурую ботинки, — вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встревоженный, вскакиваю, пулей вылетаю на палубу, и глазам моим представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

Я понял, что сам виноват: не учел особенностей грунта, а главное — прилив прозевал. Якорь зацепился, держится, как влитой, а вода подпирает. И цепь потравить невозможно:

весь нос в воде, поди-ка ныряй к брашпилю. Куда там!

Едва мы успели задрать наглухо вход в каюту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Ну и пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь. Спаслись на корме. Так там и пересидели до вечера, пока вода начала спадать. Вот так.

А вечером, умудренный опытом, я ввел судно в узкий пролив и причалил к берегу. Так-то, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, зажгли огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

– Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.